

ТЕОРІЯ ЛІТЕРАТУРИ, ПОРІВНЯЛЬНЕ ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО

Невярович Н.Ю.

*кандидат педагогических наук, доцент,
Херсонский государственный университет*

ЛОКАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНЫЕ СХОЖДЕНИЯ В НЕЛИНЕЙНЫХ СТРУКТУРАХ РУССКОГО И АМЕРИКАНСКОГО РОМАНА 30-Х ГГ. XX В.: К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ПРИЕМА

Постмодернистская традиция воспринимает «мир как текст», а литературу как «игру текстов»; она расширяет значение категорий пространства и времени в романе первой трети XX в., создает новые типы пространственно-временных схождений, обуславливает способы и приемы их отображения. Прошлое, настоящее и будущее образуют сложный хронотопический рисунок, порой теряя границы определенного времени. Конкретно-историческое, линейное время зачастую трансформируется в циклически замкнутое, мифологическое, а объективное время вытесняется его внутренним, субъективным отображением в сознании героя произведения. Типы времени и их пересечение в гипервремени художественного полотна нашли свое системное обобщение в монографии В. Руднева «Новая модель времени» (2016 г.) [5]. Развитие жанра романа начала XX в. определило существенное обновление приемов, отражающих многоуровневые локально-темпоральные связи внутри текста, что и определяет предмет данной статьи.

Яркими представителями новаторской интерпретации категории времени в художественном тексте являются М. Булгаков и У. Фолкнер, в творчестве которых в конце 20-х годов XX ст. были введены новаторские приемы схождения различных пространственно-временных пластов внутри нелинейного текста романа. Три основных мира романа-мениппеи «Мастер и Маргарита» (1928-38 гг.) – представленный ершалаимскими, московскими и инфернальными сценами – у Булгакова диалектически нерасторжимы, но при этом обладают собственными

моделями времени. Эта связность трех предметных миров на лексическом уровне, как отмечает О. Волков, «позволяет интегрировать их в единое целое. Лексическая связность... выполняет основную текстообразующую функцию в составе абзаца, главы и целого произведения» [2].

Древний ершалаимский мир открывается через темпоральные маркеры мифологического повествования и представляют булгаковскую интерпретацию библейских событий: суда Понтия Пилата в пасхальную пятницу, 14 нисана. Наиболее вероятное время ершалаимских событий, по мнению исследователя Б. Соколова, – 29 год [5, с. 311]. События московских глав маркированы социально-историческим линейным временем, они происходят ровно через 1900 лет, 5 мая 1929, и в пародийном, сниженном плане повторяют ершалаимские. Инфернальные персонажи Воландовой свиты пребывают в нелинейном, метафизическом мире вечности.

«Текст в тексте» произведения М. Булгакова, роман Мастера о Понтии Пилате, разделен на четыре целостных фрагмента. Время библейского повествования внезапно «врывается» в ход московских событий, предопределяя развитие судеб героев. Сложная структурно-семантическая организация романа М. Булгакова включает ряд новаторских приемов, образующих пространственно-временные схождения внутри «трехмирного» текста. Так, дискуссия с неизвестным на Патриарших прудах об исторической подлинности существования Иисуса внезапно переносит героев из Москвы конца 20-х гг. в библейское времяпространство эпохи правления кесаря Тиберия и его наместника в Иерусалиме прокуратора Понтия Пилата. Глава «Никогда не разговаривайте с неизвестным» (гл. 1) завершается локально-темпоральной «скрепой», смежной, двунаправленной фразой, которая открывает следующую главу «Понтий Пилат» (гл. 2), рассказанную «очевидцем» библейских событий Воландом: «... в белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана...» [1, с. 346]. С помощью рефрена осуществляется и обратный переход от ершалаимских событий, к московским : «...Было около десяти часов утра» // Да, было около десяти часов утра, досточтимый Иван Николаевич, – сказал профессор...» [1, с. 370] . Лингвистические исследования текста М. Булгакова, подтверждают, что «лексический

повтор является доминантным средством связи в художественном тексте... выступая в функции колюра и лексической скрепы (шва)» [2].

Второй фрагмент романа Мастера («Казнь», гл. 16) вводится от лица, пациента психиатрической клиники Стравинского Ивана Бездомного, находящегося в состоянии измененного сознания: *«После лекарства, напоившего все его тело, успокоение пришло к нему, как волна, накрывшая его... и ему стало сниться, что солнце уже снижалось над Лысой Горой, и была эта гора оцеплена двойным оцеплением...»* [1, с. 498]. Рефрен последней фразы маркирует локально-темпоральную зону перехода не только к другому художественному миру, но и к иному типу миропонимания.

Заключительные третья и четвертая главы романа Мастера («Как прокуратор пытался спасти Иуду из Кириафа», гл. 25 и «Погребение», гл. 26) поданы через восприятие Маргаритой, получившей восставшую из пепла рукопись в награду от Воланда. Она *«могла шелестеть листами тетрадей, разглядывать их и целовать и перечитывать слова: – Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город...»*. Рефрен образует пространственно-временной стык, соединяющий потусторонний и ершалаимский миры. Этот фрагмент цитирует и Азazelло у Кремлевской стены, доказывая Маргарите свою принадлежность иному миру: *«– Тьма, пришедшая со Средиземного моря, накрыла ненавидимый прокуратором город. Исчезли висячие мосты, соединяющие храм со страшной Антониевой башней...»* [1, с. 552].

«Три мира» романа Булгакова образуют целостную картину мироздания; она не «распадается» на прошлое, настоящее и будущее, а скорее утверждает их неразрывность, взаимообусловленность, спроецированность в вечность. Не случайно на последних страницах романа встречаются главные герои всех трех миров – Мастер и Маргарита, Воланд и его свита, Иешуа и прощенный им «пятый прокуратор Иудеи Понтий Пилат». Отныне все они объединены вечностью. Приемами построения такой целостности выступают текстуальные локусы, соединяющие различные миры, модели времени и типы сознания.

Сложная и на первый взгляд беспорядочная форма смешения временных планов получила свое отражение и в романе У. Фолкнера «Шум и ярость» (1929 г.). Настоящее время в тексте представлено через

пасхальний хронотоп. Одним из повествователей является представитель семейства Компсонов немой и слабоумный Бенджи. Он не может улавливать причинно-временные отношения, как не может различать вчера и сегодня, ибо «время было для него не ддящимся процессом, а застывшим мгновением» [3, с. 49]. Чтобы передать его способ мировосприятия, писатель использует новаторские приемы отображения субъективного времени героя. Наблюдая, как дети играют у ручья так же, как он играл с братьями и сестрой тридцать лет назад, Бенджи переносится в далекое прошлое. В романе представлены два – основных временных пласта – Страстная Пятница, 6 апреля 1928 г. и давние скорбные события в семье – похороны бабушки. Эти временные пласты сосуществуют, пересекаются, наплывают друг на друга в сознании слабоумного Бенджи, что и составляет своеобразие нелинейного хронотопа первой части романа.

Автор не регулирует подсказками время каждого конкретного эпизода, сохраняя аутентичность восприятия мира своего героя. Способом локально-темпоральной «прошивки» текста выступает ассоциация. «Ассоциативность переходов от эпизода к эпизоду в «Шуме и ярости» иногда лежит на поверхности (повторение одного и того же слова, одной и той же фразы, мысли), иногда не прослеживается столь наглядно, подчиняясь ходу своей внутренней логики» [3, с. 51].

Рефрен фразы, ключевого слова, понятия, ощущения, зрительного или слухового образа, места событий – является доминантным приемом в романе У.Фолкнера «Шум и ярость» и характеризует новаторство прозы писателя. Повторяющимися образами, с помощью которых осуществляется переход во времени, являются засохшие цветы, дыра в заборе, ручей, луг, тепло печки, тувелька, имя Кэдди и др. Время, переплетясь в причудливой игре сознания Бенджи, приобретает метафизическую нерасчлененность. «У Фолкнера диалектика времени основана на нерасторжимой связи прошлого и настоящего, постоянном воздействии прошлого на настоящее и будущее» [3, с. 54].

Таким образом, в новаторской поэтике нелинейного романов М. Булгакова и У. Фолкнера прослеживается типологически близкий прием схождения локально-темпоральных зон и переходов от объективного к субъективному, от линейного к нелинейному, от физического к мифологическому времени, что выражается рефреном, набатной фразой, образом-ассоциацией. Лексические повторы

выступают «скрепами» темпоральной связности. Динамика и многовекторность таких схождения/переходов отражают существенные изменения в хронотопе романа первой половины XX в.

Список использованных источников:

1. Булгаков М. А. Избр. произв.: В 2 т. Т. 2 / Сост. и коммент. Л. М. Яновской / М. А. Булгаков. – К: Дніпро, 1989. – 750 с.
2. Волков О. В. Текстобразующие функции лексических средств в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 М., 2000 – 229 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dicertant.narod.ru/10007.htm><http://www.dissercat.com/content/tekstoobrazuyushchie-funktsii-leksicheskikh-sredstv-v-romane-m-bulgakova-master-i-margarita#>
3. Николюкин А. Н. Человек выстоит. Реализм Фолкнера / А.Н. Николюкин – М.: Худож. лит., 1988. – 303 с.
4. Руднев В. П. Новая модель времени. Монография / В. П. Руднев. – М.: Издательство: Гнозис, 2015. – 286 с.
5. Соколов Б. В. Булгаковская энциклопедия / Б. В. Соколов. – М.: Локид; Миф, 1997. – 592 с.
6. Фолкнер У. Собр. соч. В 6 т. Т. 1. Пер. с англ. / Вступ. статья П. Палиевского; коммент. А. Долинина. – М.: Худож. лит., 1985. – 591 с.